

УДК 82-31(73)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-52-63

Романы Джеймса Фенимора Купера как локальный текст

Елена М. Апенко

*Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия,
eapenko@yandex.ru*

Аннотация. Большая часть произведений Дж.Ф. Купера может рассматриваться как своего рода «топологический сверхтекст», поскольку их место действия – округ Отсего, штат Нью-Йорк, во времена, когда именно там проходила граница между освоенными и еще «дикими» землями – знаменитый фронтир. Образ американской глубинки на этапе ее формирования реализуется в изображении определенного топоса, обладающего особыми характеристиками. Литературные описания последовательно вовлекаются в продуцирование знания об объекте реальности. Писатель стремится выявить некие константы, обладающие значимостью как маркеры территориальной идентичности. Во-первых, во всех повествованиях постоянно рассматривается вопрос владения землей. Описывая прошлое своей родной провинции, Купер представил одну из характерных черт организации жизни вдалеке от «центра», актуальную для глубинки в Штатах вообще вплоть до конца XIX в.: противостояние юридических и фактических владельцев. Во-вторых, Купер подробно исследует образно-смысловой диапазон локуса дома, важный в любой культурной системе и особенно значимый для людей, пришедших на новое место. Земля и дом в «топологическом сверхтексте» Купера – это своего рода архетипические локусы, которые сыграли важную роль в воссоздании автором истории развития фронта – реального географического пространства, обозначенного конкретными топонимами и являющегося важной частью геонационального пространства американской глубинки.

Ключевые слова: топологический сверхтекст, фронтир, территориальная идентичность

Для цитирования: Апенко Е.М. Романы Джеймса Фенимора Купера как локальный текст // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 52–63. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-52-63

© Апенко Е.М., 2025

James Fenimore Cooper's novels as a regional text

Elena M. Apenko

*Independent researcher, Saint Petersburg, Russia,
eapenko@yandex.ru*

Abstract. The better part of *James Fenimore Cooper's* novels where the author pictures different episodes of Otsego county's (NY) life in the days of "frontier" can be estimated as a kind of "topological supertext". He evokes images of American province at its birth with all its basic characteristics. Literary descriptions thus produce knowledge of a real object. He strives to define certain constants: geography, landscapes, human behavior, that can be interpreted as tokens of territorial identity. The issue of land ownership is one of the permanent items in all the novels. Cooper presents it as a matter of importance for the inhabitants of his native county, but the opposition of the legal owners that quite often are far from the estate and those who settle down and cultivate it in reality is one of the typical features of American movement to the Pacific up to the end of the 19th century. J.F. Cooper also reveals semantics of the image and the idea of house that is crucially important in all the cultures, and especially for the newcomers. So, Land and House in Cooper's "topological supertext" can be defined as archetypal loci vital for the chronicle of the American frontier history. All this was of great importance for the national self-identification.

Keywords: Topological supertext, frontier, tokens of territorial identity

For citation: Apenko, E.M. (2025), "James Fenimore Cooper's novels as a regional text", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 52–63, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-52-63

Формирование представления о территории Соединенных Штатов и осмысление окружающего пространства являлись, как известно, едва ли не центральными задачами раннего американского романтизма. Знание авторами того или иного региона молодой страны становилось основой для создания художественного пространства их произведений. Творческие свершения классика американской романтической литературы Джеймса Фенимора Купера – ярчайший тому пример. Вся его жизнь была связана с одним регионом Америки – штатом Нью-Йорк. Он вырос в достаточно глухом его уголке «у истоков Саскуиханны» – третьей по величине и протяженности реки Северной Америки. Река эта вытекает из озера Отсега, расположенного на полпути между столицей штата Олбани и Великими озерами, в частности озерами Онтарио и Шамплейн, где Купер проходил матросскую службу. С 1817 г.

и до отъезда в Европу он жил на юге штата – в округе Вестчестер, и в самом Нью-Йорке. Вернувшись домой, обосновался в родовом Отсего-холле в Куперстауне, все там же, на берегах Отсего.

В этом реальном географическом пространстве и разворачиваются события всех «сухопутных» американских романов Купера, за исключением «Прерии». Место действия «Шпиона» (1821) – округ Вестчестер. Следующий роман Купера – это «Пионеры, или У истоков Саскуиханны» (1823). Земли, которыми владеют герои так называемой «Хроники Литтлпейджей, или Трилогии в защиту земельной ренты» («Сатанстое», «Землемер» и «Краснокожие»), созданной в 1845–1846 гг., расположены и в Вестчестере, и в верховьях Саскуиханны. «В одном переходе от Саскуиханны» обосновался капитан Уиллогби из «Вайандоте» (1843). На еще безымянном Отсего выстроил свой водяной дом Том Хаттер из «Зверобоя» (1841). Неподалеку, на берегу озера Лейк-Джордж, стоял форт Уильям-Генри, гарнизоном которого командовал полковник Мунро в «Последнем из Могикан» (1826). Русский перевод названия “The Pathfinder, or The Inland Sea” – «Следопыт, или На берегах Онтарио» (1840) уточняет место действия романа.

Не только место, но и время действия всех романов обозначено автором четко: события «Зверобоя» разворачиваются «между 1740 и 1745 годами»; «Последний из могикан» – это «Повествование о 1757 годе». Время действия «Сатанстое» – 1758, «Следопыта» – 1759, «Вайандоте» – 1776, а «Землемера» – 1784 и «Пионеров» – 1793–1794 гг.¹

Все это не случайно. В 1740–1790 гг. эти края были американской глубинкой особого рода, именно там проходила «граница между дикостью и цивилизацией», тот самый знаменитый «фронтир», который стал одной из первых примет американской цивилизационной уникальности. Мы традиционно выделяем среди этих произведений знаменитую Пенталогию – цикл романов, связанных образом их центрального персонажа Натти Бампо. Но с точки зрения места и времени действия всех перечисленных выше, а не только входящих в Пенталогию куперовских произведений мы, как представляется, можем рассматривать их и как некую целостность, к которой применимы слова Н.Е. Меднис: это «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис 2003, с. 13]. Подоб-

---

¹ Действие романа «Краснокожие» разворачивается в другую историческую эпоху – в конце 1830-х гг., поэтому он исключен из анализа в данной статье.

ную систему исследовательница определяет как «сверхтекст» и, уточняя понятие, пишет следующее: «Каждый сверхтекст имеет свой образно и тематически обозначенный центр, фокусирующий объект, который в системе внетекстовые реалии – текст предстает как единый концепт сверхтекста. В роли такого центра для топологических сверхтекстов выступает тот или иной конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик» [Меднис 2003, с. 9–10]. В рассматриваемых произведениях американского писателя именно фронтир в его «историко-культурно-географическом» единстве является таким фокусирующим объектом.

Иконография ландшафта фронтаира в текстах Купера много раз становилась объектом изучения исследователей. Однако преимущественное внимание уделялось принципам описания бескрайних просторов и дикой природы региона. Такая специфика анализа визуальных интерпретаций пространства определялась тем, что в центре внимания традиционно находилось изображение автором жизни Натти Бампо и его друзей-индейцев, т. е. тех обитателей фронтаира, кто, образно говоря, существовал «по ту сторону» этой границы – в мире “wilderness”. Изучение образов «дикого» пространства помогало и понять поведение героев внутри этого пространства, и их собственные личностные качества. Гораздо меньше внимания уделялось тому, какой рисует писатель жизнь «по эту сторону фронтаира», существование тех, кто пришел в далекие края и решил осесть там навсегда. Каковы же ее основные характеристики, если мы будем рассматривать куперовские произведения как топологический сверхтекст? В пределах данной статьи остановимся на двух.

Во всех повествованиях постоянно рассматривается вопрос владения землей. Суть его коротко и четко представлена в романе «Зверобой». Натти Бампо говорит, что землей около озера «сообща владеют минги и могикане»². Но по мнению Тома Хаттера, это его собственность, поскольку он живет на озере уже пятнадцать лет. И есть еще официальные лица из Олбани и Нью-Йорка, которые считают себя вправе распоряжаться, поскольку «земля должна иметь какого-нибудь владельца»³, и, естественно, речь не об индейцах.

Судьба собственников-индейцев общеизвестна, в том числе и благодаря Куперу. В качестве еще одного примера можно привести выдержку из главы IV романа «Сатанское».

---

² Купер Дж.Ф. Зверобой // Купер Дж.Ф. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Детская литература, 1961. Т. 1. С. 26.

³ Там же.

«– Вот список тех предметов, которые были вручены индейцам в уплату за землю!

“Пятьдесят одеял с желтыми каймами; десять чугунных котлов вместимостью по четыре галлона каждый; сорок фунтов пороха; семь ружей английских; двенадцать фунтов бус; пять галлонов ямайского рома высшего качества; двадцать музыкальных рожков; три дюжины томагавков английского производства высшего качества”.

И это все! – воскликнул я, дочитав список до конца. – Скажу по совести, что сорок тысяч акров превосходной земли недорого обходятся в колонии Нью-Йорк! Ведь все это стоит не дороже двухсот долларов, считая в том числе и ром, и томагавки первого качества.

– Ровно двести сорок два доллара уплачено за все эти предметы! – сказал с уверенностью Дирк. – Я это видел по счетам!

– Недорого, – заметил я. – И, вероятно, ружья, ром и остальные предметы обмена были из специально изготовленных для этой цели!

– Нет, Корни, ты возводишь напраслину на наших родителей: они люди честные и справедливые!»⁴.

Платили «честные» Литтлпейджи не грубыми фальшивками, которые изготавливались специально для таких «обменов», а настоящими предметами.

Что происходило после такой «справедливой» сделки, подробно описано в романе «Вайандоте». «Правом на приобретение крупных, никем не занятых участков в плодородной и богатой стране воспользовались прежде всего, конечно, офицеры колоний»⁵. Купер с сарказмом замечает: «Три или четыре тысячи акров... должны были удовлетворить аппетиты ... шотландцев и англичан, привыкших на родине к поместьям, несравненно более скромным по размерам»⁶.

На юге колонии подобные большие поместья существовали еще с голландских времен. Принципы юридического оформления частной собственности на землю принадлежали английскому общему праву, действие которого транслировалось на колониальную жизнь.

⁴ Купер Дж.Ф. Сатанстое. URL: https://bookscafe.net/read/kuper_dzheyms-satanstoe-91443.html?ysclid=lryxhqjg75734048547# с. 8–9 (дата обращения 21.01.2024).

⁵ Купер Дж.Ф. Вайандоте. URL: https://bookscafe.net/read/kuper_dzheyms-vayandote_ili_hizhina_na_holme-246238.html?ysclid=lryxq7emgy614066242# с. 1 (дата обращения 21.01.2024).

⁶ Там же. (Три-четыре тысячи акров – это более полутора тысяч гектаров. – Е. А.)

Они более-менее работали в освоенных частях колонии. А в глубинке приобретение собственности в «новых» местах начиналось за тысячи километров от выделяемых земель по приблизительным картам, которые изготавливались в Европе и изобиловали ошибками и белыми пятнами. Герой «Зверобоя» Гарри Непоседа рассказывает о беседе с королевским землемером: «Он слышал, что тут есть озеро, и кое-что о нем знает – например, что здесь имеются вода и холмы. ...Я ...нагородил ему, что в здешней стране имеется ручеек грязной воды и к нему ведет тропинка, ...он показал мне пергамент, на котором изображено озеро, – правда, там, где никакого озера нет, милях этак в пятидесяти от того места, где ему следует быть»⁷.

После того как концессия была утверждена и бумаги выправлены, необходимо было отправить кого-нибудь разыскать эти земли. «Я слышал об одном фермере, приобретшем в тех краях концессию в десять тысяч акров, который вот уже пять лет не может найти своего участка!» – замечает один из героев «Сатанстое»⁸. Поэтому тот самый королевский землемер становился важной фигурой, он должен был не только нанести землю на карту, но и в натуре обмерить ее и оставить систему зарубок, обозначающих границы владения. Но труд его и его команды часто бывал сопряжен со смертельной опасностью, поскольку не только индейцам не нравилось это вторжение, но и белым скваттерам. Не все желавшие обосноваться на краю цивилизации хотели за это платить. Том Хаттер из «Зверобоя» как раз и является таким скваттером. Подробнее же всего психология и образ жизни этих пришельцев в «дикий» мир изображены Купером в романе «Землемер». Скваттер Аарон Тимбернан с говорящим прозвищем Тысячаакров семнадцать раз перебирался с места на место, вырубая лес и сплавливая его в Олбани. Скваттеры стремились «по своему усмотрению распоряжаться землей, которой они владели, но не унижаться до того, чтобы покориться действию закона»⁹.

Описывая прошлое своей родной провинции, Купер представил одну из характерных черт организации жизни вдалеке от «центра», актуальную для глубинки в Штатах вообще вплоть до конца XIX в. Слова: хочется, чтобы «не было бы других межей, кроме тех, которые проводил бы карабин»¹⁰, и шерифы «приходят

⁷ Купер Дж.Ф. Зверобой. С. 47–48.

⁸ Купер Дж.Ф. Сатанстое. С. 9.

⁹ Купер Дж.Ф. Землемер. URL: https://bookscafe.net/read/kuper_dzheyms-zemlemer-257369.html?ysclid=lryy2l2zir524844149# с. 50 (дата обращения 21.01.2024).

¹⁰ Там же. С. 52.

иногда в леса, но никогда из них не возвращаются»¹¹ – вполне могли бы принадлежать не скваттеру из куперовского романа, а какому-нибудь герою популярного вестерна. «Что для них законы? Они никогда не видели законов, не слышали о них и понятия о них не имеют»¹².

В самом конце XIX в. Фредерик Джейсон Тернер в своей знаменитой лекции «Значение фронта в американской истории» определил роль фронта в выработке самостоятельной правовой системы касательно земельной собственности как важнейшую: «Можно с уверенностью сказать, что законы относительно земли, тарифов и внутреннего улучшения... были обусловлены идеями и нуждами фронта»¹³. Романы Купера – одно из первых литературных изображений столкновения принципов англосаксонского права, привезенного в Новый Свет из Старого, и реальной жизни в американской глубинке. Они вполне могут быть иллюстрацией и другого тезиса Тернера: «самым важным воздействием фронта стало развитие демократии», поскольку «условия фронта... стали важным фактором для объяснения Американской революции, когда личная свобода иногда путалась с полным отсутствием действительного правительства...»¹⁴. Именно такое чувство личной свободы и позволяет Аарону Тысячаакров предложить свое видение взаимоотношений на земле: «Господин Литтлпейдж имеет права на эту землю на бумаге, как я слышал, а я владею этой землей. Да и смешно было бы не воспользоваться таким местом, где есть и лес, и место для мельницы, и другие условия. ...Если генерал не помешает мне спокойно отправить мой лес на рынок, собрать хлеб, унести двери, окна и все железные вещи, одним словом, все, что можно взять от мельницы, то я согласен удалиться отсюда весной, чтобы тот, кто займет это место, мог бы сделать посев»¹⁵.

В.Н. Топоров убедительно показал, что пространство конституируется из вещей [Топоров 1983]. И в ряду тех объектов-вещей, из которых формируется внутреннее и внешнее пространство жизни человека, первостепенное место занимает дом. Константный локус дома важен в любой культурной системе, как правило, именно он интерпретируется как некое ядро личностной модели мира. Для людей, пришедших на новое место, «дом» значит особенно много.

¹¹ Купер Дж.Ф. Землемер. С. 51.

¹² Там же.

¹³ Тернер Ф.Дж. Значение фронта в американской истории. URL: http://az.lib.ru/t/turner_f_d/ (дата обращения 21.01.2024).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Купер Дж.Ф. Землемер. С. 55.

Каков же образно-смысловой диапазон локуса дома в «топологическом сверхтексте» Купера?

«Замок Водяной Крысы» – дом Тома Хаттера – представляет собой крепкое сооружение из могучих бревен, возведенное на сваях посреди озера, которое служит защитным рвом («Зверобой»). Вот как выглядит дом капитана Уиллогби, решившего обосноваться в лесной глуши в канун Войны за независимость («Вайандоте»): «Новый дом, построенный на этом холме, производил скорее впечатление казармы, так мало напоминал он обыкновенные дома; без окон наружу, обнесенный со всех сторон, кроме северной, высокой каменной стеной, он вполне отвечал стратегическим планам капитана на случай нападения индейцев. Ворота были сделаны в южной стене...»¹⁶. Первый дом семейства Литтлпейджей в новообретенных местах был тоже срублен из необработанных бревен и вызвал у представителя младшего поколения семьи ассоциации с тюрьмой и крепостью. И в этом случае в описании присутствует значимая деталь – все окна и двери выходят во внутренний двор, куда ведет лишь один проход¹⁷.

Перед нами «дом» как самый архаический тип жилья, «своя» территория, противостоящая окружающему враждебному миру (хаосу), защищенная от него глухой стеной, прежде всего приспособленная для обороны. Вместе с тем писатель отмечает и важную психологическую деталь: пытаюсь освоить и «присвоить» новую реальность, поселенцы означивали «новое» через «старое», перенося в дикие края не только правовую практику, но и культурные стереотипы своей старой родины. «Странно звучали названия “вилла“ и “замок“ среди пустынной страны, где не было никакого жилья, и то, что носило эти названия, являлось, обыкновенно, лишь грубым, кое-как сколоченным срубом из бревен, нередко даже не очищенным от коры»¹⁸.

Однако дом как место противостояния внешнему миру оказался необходим лишь на первом этапе формирования глубинки. Эти «крепости с бойницами», как пишет Купер, суть «памятники детства нашей страны», которые можно встретить «повсюду в тех местах, которые ныне слывут ...средоточием американской цивилизации»¹⁹. Микромир дома как убежища – первая стадия «обживания» пространства, завершившаяся, по мнению писателя, в его штате где-то в 80-е гг. XVIII столетия. В романе «Землемер» поместье

¹⁶ Купер Дж.Ф. Вайандоте. С. 5.

¹⁷ См.: Купер Дж.Ф. Землемер. С. 33.

¹⁸ Купер Дж.Ф. Вайандоте. С. 1.

¹⁹ Купер Дж.Ф. Зверобой. С. 20.

Литтлпейджей Равенснест представляет собой уже не блокпост, а поселок, где есть гостиница, школа, магазин, церковь. Действие романа разворачивается в 1784 г., т. е. после Войны за независимость. И, как пишет автор, «время, когда считали необходимым укреплять жилища от опасности внезапных нападений, давно уже миновало»²⁰. На смену пришли все еще примитивные постройки, но непременно с какими-то «архитектурными украшениями». Не только фермы, но и хижины в лесной глуши уже не окружаются какими-либо защитными сооружениями. Вместо этого рядом с ними разбивают огороды, прямо граничащие с лесом. И снова писатель отмечает как значимую, казалось бы, мелкую деталь: практически во всех домах «было не меньше четырех»²¹ дверей. В данном случае дом не только характеризует обжитое пространство как открытое для внешнего мира, но и раскрывается как психологический локус, транслирующий уверенность и оптимизм обитателей поселка.

И наконец, символом окончательно устоявшейся жизни провинции выступает дом судьи Темпла из «Пионеров». Напомню, что дело происходит в 1790-е гг. «Дом был каменный, большой, квадратный и, как ни странно, удобный»²². Он не только был комфортабельным жильем для семьи, но и свидетельствовал о богатстве и престиже его хозяина. Дом окружал большой фруктовый сад. «Кроме того, от ворот к подъезду вела аллея из молодых ломбардских тополей, которые тогда только-только были завезены в Америку»²³. Центральная улица поселка «была неширока, хотя вокруг на сотни миль простирались леса, населенные лишь зверями и птицами. Но так решил ее отец, и так хотели поселенцы. Им нравилось все, что напоминало условия жизни в Старом Свете, а городок, пусть даже лежащий среди глухих лесов, – это уже почти цивилизация»²⁴. Приметы и стандарты этой «цивилизации» по-прежнему пока еще европейские: завезенные с другого континента (!) в лесные края деревья, компактность поселения, приглашение «архитектора» для постройки дома, хотя он всего лишь хвастливый плотник, и т. д., но именно они демонстрируют уверенность в стабильности жизни в своем, освоенном и обжитом мире.

Глубина и степень «семантического обживания пространства» [Топоров 1983, с. 237] особенно четко маркируются рукотворными знаками, организующими пространство и представляющими образ

²⁰ *Купер Дж.Ф.* Зверобой. С. 45.

²¹ *Купер Дж.Ф.* Землемер. С. 24.

²² *Купер Дж.Ф.* Пионеры. С. 487.

²³ Там же. С. 486.

²⁴ Там же. С. 502.

жизни и привычки людей. В романе «Сатанстое» писатель так определяет различие между провинцией и центром, каковым конечно же были города на побережье Атлантики, в первую очередь Нью-Йорк: «В Олбани главной роскошью богатых людей являлись кровные рысаки, щегольская упряжка и обильный стол, в Нью-Йорке же роскошь выражалась серебром, хрусталем и ценной посудой, дорогим столовым бельем и иногда ценными картинами старых мастеров»²⁵.

Как отмечал В.Н. Топоров, «вещь перерастает свою “вещность” и начинает жить, действовать, “веществовать” в духовном пространстве» [Топоров 1995, с. 21]. В текстах Купера интерьер дома напрямую характеризует и вкусы обитателей, и их социальный статус, и страну, и время. Интерьер «крепостей» Хаттера, Уиллогби и Литтлпейджей прост, даже примитивен. Как проявление стремления к красоте расценивается то, что в комнатах дерево стен гладко выстругано. Там минимум необходимых предметов обихода и лишь иногда несколько вещей, свидетельствующих, что в доме живут женщины, нечуждые желания создать какое-то подобие уюта. При этом Уиллогби получает хороший доход, а Литтлпейджи по-настоящему богаты, и, более того, их имения в Вестчестере, неподалеку от Нью-Йорка, давно прекрасно обустроены.

А вот характеристика обстановки столовой в доме судьи Темпла: «Буфет красного дерева, инкрустированный слоновой костью и снабженный огромными медными ручками, стонал под тяжестью серебряной посуды. ...На стене вдали от печки висел термометр в футляре из красного дерева, соединенный с барометром... По обе стороны печи с потолка свисали две стеклянные люстры, ...а к косякам многочисленных боковых дверей, ведущих во внутренние комнаты, были прикреплены золоченые канделябры»²⁶. И, подобно ломбардским тополям среди американского леса, в комнате красовались маленькие гипсовые бюсты Гомера, Шекспира, Франклина и Вашингтона. Это лишь малая часть многостраничного описания, которое должно было подтвердить приобщение героев, живущих уже не «на побережье», а в той самой глубинке, к «цивилизации». Примечательно, что писатель каждый раз отмечает происхождение вещей – европейские, привезенные с побережья или сделанные местными умельцами.

Многочисленные и многословные описания в романах Дж.Ф. Купера внешнего и внутреннего пространства часто становились объектом критики, расценивались как недостатки его творческой манеры. Однако их подробность и статичность четко

²⁵ Купер Дж.Ф. Сатанстое. С. 35.

²⁶ Купер Дж.Ф. Пионеры. С. 506–507.

обусловлены авторскими задачами. Жертвуя эстетической и эмоциональной составляющими, автор добивался квазизрительности, столь важной для нативизма. Насыщенные подробностями словесные картины должны были прежде всего создать визуальный облик нового мира, но описания интерьера имели и другую цель: «конкретный, данный человек – мера всех вещей. Но и обратно: конкретная, данная вещь – мера всех людей, и только в этом своем качестве вещь приближает нам мир...» [Топоров 1995, с. 17]. В нашем случае это мера укорененности пришельцев в пространстве фронта.

Таким образом, представляется, можно утверждать, что земля и дом в «топологическом сверткесте» Купера – это своего рода архетипические локусы, которые сыграли важную роль в воссоздании автором определенного этапа истории развития реального географического пространства, обозначенного конкретными топонимами и являющегося важной частью геонационального пространства американской глубинки. Возможно, именно поэтому более столетия весь остальной мир представлял Америку «по Куперу»...

Литература

- Меднис 2003 – *Меднис Н.Е.* Сверткесты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. 109 с. URL: <https://www.raspopin.den-za-dnem.ru/pic-00004/2021-pdf/Mednis-sverh.pdf?ysclid=ls69x7x1uz873739613> (дата обращения 04.02.2024).
- Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
- Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

References

- Mednis, N.E. (2003), *Sverkhteksty v russkoi literature* [Supertexts in Russian literature], NGPU, Novosibirsk, Russia, available at: <https://www.raspopin.den-za-dnem.ru/pic-00004/2021-pdf/Mednis-sverh.pdf?ysclid=ls69x7x1uz873739613> (Accessed 4 Feb. 2024).
- Toporov, V.N. (1983), “Space and text”, in *Tekst: semantika i struktura* [Semantics and structure of the text], Nauka, Moscow, USSR.
- Toporov, V.N. (1995), *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye* [Myth. Rithual. Image. Selected researches of mythopoetics], Progress – Kultura, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена М. Апенко, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия; eapenko@yandex.ru

Information about the author

Elena M. Apenko, Cand. of Sci (Philology), independent researcher, Saint Petersburg, Russia; eapenko@yandex.ru